

Житие священноисповеднику Николаю Могилевскому, митрополиту АлмаАтинскому

9 апреля 1877 года, в день Светлого праздника Пасхи, в семье скромного псаломщика села Комиссаровки, Верхне-Днепровского уезда, Екатеринославской губернии, Никифора и супруги его Марии родился сын. Назвали его Феодосием, в честь святого мученика Феодосия.

«Отец у нас был строг, – вспоминал владыка, – он был очень требовательным к порядку и исполнению заданных нам работ». Он был большим знатоком церковного пения. Особенно радел он о пении общенародном и эту любовь прививал своим детям. О матери владыка Николай вспоминал: «Мама наша была сама любовь. Она никогда не кричала на нас, а если мы провинимся, что, конечно, бывало, то она посмотрит так жалобно, что станет ужасно стыдно». Большое значение в воспитании Феодосия имела его бабушка Пелагия. «Долгими зимними вечерами, – вспоминал Владыка, – забирала нас бабушка на печь, и начинались нескончаемые рассказы о святых угодниках Божиих». Часто вспоминал

Владыка и своего дедушку, который был священником.

В 1904 году исполнилась заветная мечта Феодосия: в канун праздника Святителя Николая Чудотворца, в Нило-Столобенской Пустыни Феодосий был пострижен в мантию с именем Николай. В мае 1905 года монаха Николая рукоположили в сан иеродиакона, а 9 октября того же года – в иеромонаха. По настоянию братии в 1907 году отец Николай поступил в Московскую Духовную академию, которую через 4 года успешно закончил.

В октябре 1919 года в Чернигове архимандрит Николай был хиротонисан во епископа Стародубского, викария Черниговской епархии. Дальнейшее служение епископа Николая проходило под благодатным покровительством Святителя Феодосия Черниговского, которого Владыка очень почитал.

В 1923 году преосвященный Николай был назначен епископом Каширским, викарием Тульской епархии, в которой в то время было очень тяжелое положение. Обновленцы захватили подавляющее большинство приходов. Но со своей маленькой паствой епископ Николай упорно боролся против врагов Православия. Исходом этой борьбы был арест владыки, последовавший 8 мая 1925 года.

Проведя в заключении более двух лет и освобо-

дившись, владыка Николай был назначен на Орловскую кафедру. В Орле владыка служил до следующего своего ареста. Вот что рассказывал сам владыка о том времени: «27 июля 1932 года я был арестован и отправлен в Воронеж, где велось следствие. Об условиях жизни говорить не приходится, потому что в те годы вся наша страна испытывала нужду. Когда следствие подошло к концу, мы со следователем расставались друг с другом с сожалением. Он доверительно сказал мне: "Я рад, что хоть какую-то пользу принес вам своим расследованием, что мне удалось доказать правильность ваших показаний, а это для вас немало значит – теперь вам переквалифицируют статью и дадут не больше пяти лет вместо ожидаемых десяти". "За что же мне дадут пять лет?", – невольно вырвалось у меня. "За вашу популярность. Таких, как вы, на некоторое время надо изолировать, чтобы люди забыли о вашем существовании. Вы имеете слишком большой авторитет среди народа и ваша проповедь имеет большое значение для народа. За вами идут!" Неожиданно было для меня услышать оценку моего служения из уст представителя данного учреждения, но это было именно так. "Господи! Слава Тебе! Слава Тебе, Господи! Я, грешник, как умел, так и служил Тебе! – только и мог я произнести от радости, наполнившей мое сердце, – Теперь уже никакой срок не будет

страшить меня"».

Вспоминая свои странствия по лагерям, владыка много рассказывал о Сарове, где он пробыл довольно долгое время: «После закрытия и разорения монастыря в его помещениях был образован исправительно-трудовой лагерь, в который я и попал. Когда я переступил порог этой святой обители, сердце мое исполнилось такой невыразимой радости, что трудно было ее сдержать.

"Вот и привел меня Господь в Саровскую пустынь, – думал я, – к преподобному Серафиму, к которому в течение моей жизни неоднократно обращался я с горячей молитвой". Я перецеловал в монастыре все решеточки и все окошечки. В те времена была еще цела келья преподобного Серафима. Я все то время, что пребывал в Сарове, так и считал, что нахожусь на послушании у преподобного Серафима, по молитвам которого Господь посылает нам такое утешение, что мы можем служить в заключении Литургию и причащаться Святых Христовых Таин».

В 1941 году владыка Николай был возведен в сан архиепископа. Весть о начале Великой Отечественной войны застала владыку в преддверии совершения им Божественной литургии. «Я служил проскомидию, – вспоминал владыка, – когда один из моих друзей в тиши алтаря сообщил мне эту ужасную весть. Что я мог сказать пастве, в слезах ожидавшей не моего, а Христо-

ва утешения? Я только повторил то, что сказал некогда святой Александр Невский: "Не в силе Бог, а в правде!" В тот год 22 июня праздновалась память Всех святых, в земле Русской просиявших. Думаю, в этом есть особый смысл. По грехам нашим понесли мы тогда тяжелое испытание, но святые земли Российской не оставили нас своим заступничеством. Мы обращались к ним, нашим землякам, за помощью и эта небесная помощь явилась тогда, когда ее трудно было ожидать».

И вслед за этой вестью архиепископа Николая постигло новое испытание – 27 июня 1941 года владыка был арестован и помещен в тюрьму города Саратова. Пробыв в Саратове в общей сложности шесть месяцев, владыка Николай был направлен в Казахстан, в город Актюбинск, а оттуда через три месяца в город Челкар Актюбинской области.

Когда много лет спустя владыке задали вопрос, как он отнесся к этому переселению, не было ли в его сердце ропота или обиды, владыка отвечал: «На все воля Божия. Значит, было необходимо перенести мне это тяжелое испытание, которое закончилось большой духовной радостью. А вы подумайте, что будет, если человек всю жизнь станет проводить в неге и довольстве, в окружении близких и родных людей? Жизнь, пресыщенная благами земными, приводит к окамене-

нию сердца, к охлаждению любви к Богу, к ближнему. Человек от излишеств становится жестоким, не понимающим чужого горя, чужой беды».

Владыка ехал на вольную ссылку, но в арестантском вагоне. На станцию Челкар поезд прибыл ночью. Охранники вытолкали владыку на перрон в нижнем белье и рваном ватнике. В руках у владыки было только удостоверение, с которым он должен два раза в месяц являться в местное отделение НКВД на отметку. Оставшуюся часть ночи владыка пересидел на вокзале. Настало утро. Надо было куда-то идти. Но как идти зимой в таком виде? Да и идти было некуда. Владыке пришлось обратиться за помощью к старушкам, и на его просьбу откликнулись добрые женские сердца. Старушки подали ему: кто – телогрейку, кто – шапку, кто – залатанные валенки. Одна старушка приютила его в сарае, где у нее находились корова и свинья. Владыке в это время шел уже 65-й год. Голова его была бела, и вид его невольно вызывал сострадание. Владыка пытался устроиться на работу, но никто не брал его, – он выглядел старше своих лет. Он вынужден был собирать милостыню, чтобы не умереть с голоду.

Впоследствии, когда духовные чада спрашивали у владыки: «Почему Вы не сказали старушкам, которые дали Вам одежду, что вы – епископ?»,

владыка отвечал: «Если Господь посылает крест, Он же и силы дает, чтобы его нести, Он же его и облегчает. В таких случаях не должна проявляться своя воля, нужно всецело предаваться воле Божией. Идти наперекор воле Божией недостойно христианина, и после того, как человек терпеливо перенесет посланные ему испытания, Господь посылает духовную радость».

До глубокой осени 1942 года владыка продолжал влачить свое нищенское существование. Физические силы его были на исходе. От недоедания и холода у него развилось худосочие, тело его было покрыто нарывами, от грязи завелись вши. Силы покидали не по дням, а по часам. И вот пришел момент, когда иссякли последние силы, и владыка потерял сознание. Очнулся он в больнице, в чистой комнате, в чистой постели. Было светло и тепло, над Владыкой склонились люди. Он закрыл глаза, решив, что все это ему кажется. Один из склонившихся проверил пульс и сказал: «Ну вот, почти нормальный! Очнулся наш дедушка!» Поправлялся владыка медленно. А когда поднялся с постели, сразу же стал стараться принести пользу окружающим. Кому воды подаст, кому судно принесет, кому постель поправит, кому скажет доброе слово. В больнице полюбили этого доброго старичка. Все стали называть его ласково: «Дедушка». Но только один молодой врач знал трагедию этого «дедушки», знал,

что выпиши его из больницы, и опять пойдет он просить милостыню и жить рядом с коровой и свиньей.

И вот настал день, когда врачу предложили выписать «дедушку» из больницы. Владыка Николай стал молиться Господу, снова отдавая себя в Его волю: «Куда Ты, Господи, пошлешь меня, туда и пойду!» И вот, когда все собрались проститься с добрым «дедушкой», вошла нянечка и сказала: «Дедушка, за вами приехали!» «Кто приехал?», – спросили все разом. «Да тот самый татарин, который вам иногда передачи приносил, разве не помните?» Конечно, владыка не мог забыть, как регулярно, через каждые десять дней, ему передавали от какого-то незнакомого ему татарина пару татарских лепешек, несколько яиц и несколько кусочков сахара. И еще знал владыка, что именно этот татарин подобрал его, полуживого, без памяти лежащего на дороге, и отвез в больницу. Ошеломленный, владыка пошел к выходу. Действительно, у больничных дверей стоял татарин с кнутом в руках. «Ну, здоров, бачка!», – сказал он владыке и улыбнулся добродушной улыбкой. Владыка тоже поздоровался с ним. Вышли на улицу, татарин посадил владыку в сани, сел сам, и они поехали. Был конец зимы 1943 года. «Почему вы решили принять участие в моей жизни и так милостиво отнеслись ко мне? Ведь вы меня совсем не знаете», – спросил

владыка. «Надо помогать друг другу, – ответил татарин, – Бог сказал, что мне надо помогать тебе, надо спасти твою жизнь». «Как сказал вам Бог?», – изумленно спросил владыка. «Не знаю как, — ответил татарин, – когда я ехал по своим делам, Бог сказал мне: "Возьми этого старика, его нужно спасти"».

Для владыки началась спокойная жизнь. Татарин имел связи и смог устроить так, что через некоторое время в Челкар приехала Вера Афанасьевна Фомушкина, его духовная дочь, которая также была сослана, но в другую местность. Вера Афанасьевна не стала скрывать от окружающих, кто такой тот «дедушка», которого заботливо выходили челкарцы.

10 октября 1944 года владыка сам направил в НКВД «усердную просьбу», в которой просил снять с него звание «вольного ссыльного», разрешить уехать в Россию «и там занять епископскую кафедру по назначению Патриаршего Синода». Постановлением Особого совещания при НКВД от 19 мая 1945 года владыка Николай был освобожден досрочно. 5 июля 1945 года постановлением Священного Синода была образована Алма-Атинская и Казахстанская епархия, управляющим которой был назначен архиепископ Николай (Могилевский).

Владыка прибыл в Алма-Ату 26 октября 1945 года в день празднования Иверской иконы Божи-

ей Матери. Необыкновенная ревность была у Владыки к богослужениям, которые он совершал с максимальным для приходского храма приближением к монастырскому уставу. Служил он всегда благоговейно, никогда не спешил. А когда хор заторопит службу, он сейчас же выгянет из алтаря и спросит: «Кто тут на поезд спешит?» Всем станет стыдно, и хор сразу замедляет темп. Усердный молитвенник, особенно любил и почитал владыка Божию Матерь. К большому духовному утешению своей паствы, в праздник Успения Пресвятой Богородицы Владыка, впервые в Алма-Ате, стал совершать дивный чин погребения Плащаницы.

Молитвенное настроение не покидало владыку и во все дни его болезни. В воскресенье 23 октября 1955 года после последнего своего причащения Святых Христовых Таин, когда монахини в столовой запели было «Совет превечный...», владыка из спальни, напрягая голос, закричал им: «Матушки, матушки, на этом поставим точку. Теперь начнем чин погребения епископа». Пение прекратили, но слез удержать не могли. Особенно напряженно и громко молился владыка в ночь с 23 на 24 октября. Можно было услышать слова: «Господи, не осуди мя по делом моим, но сотвори со мною по милости Твоей!» Много раз повторял с глубоким чувством: «Господи! Милости прошу, а не суда!»

В понедельник 24 октября накануне смерти Владыка еще немного говорил. Он сказал каждому что-либо особенно ласковое, как бы прощаясь. Около 5 часов вечера сделался у него сердечный приступ с острой болью, после которого он уже не говорил и лежал с закрытыми глазами. Во вторник утром он нашел в себе силы несколько раз перекреститься при чтении у его одра акафистасвятой великомученице Варваре.

В 5-м часу дня 25 октября окружающие заметили приближение конца. Стали читать отходную, дали в руки Владыке зажженную свечу, и с последними словами канона на исход души святитель тихо и спокойно испустил свой последний вздох. Это было в 16 часов 45 минут, когда в Никольском соборе зазвонили к вечерне в канун празднования Иверской иконы Божией Матери, Которой Владыка так любил сам возглашать: «Радуйся, Благая Вратарнице, двери райские верным отверзающая!»

28 октября 1955 года епископ Ташкентский и Среднеазиатский Ермоген (Голубев) с сонмом духовенства отпел Владыку Николая в кафедральном соборе Алма-Аты. Всю дорогу от храма до кладбища (а это около 7 км) гроб с дорогими останками несли на руках. За гробом следовали тысячи людей, пришедших поклониться любимому Владыке. Кладбище было переполнено так, что шествовавшее за гробом духовенство с тру-

дом достигло могилы. Отслужили литию, и преосвященный Ермоген предал земле тело почившего Святителя.

Когда всё было совершено и возвысился могильный холм, покрытый венками, в тишине спустившихся сумерек, при сиянии луны, все присутствующие пропели тропарь Благой Вратарнице, двери райские верным отверзающей.